

РЕДКИЙ ЭЛЕМЕНТ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

20 августа 2012 года Василию Аксенову исполнилось бы 80 лет. Прошло уже три года, как замечательного писателя нет с нами. Но интерес к творчеству и к личности Аксенова не иссякает: переиздаются его книги, в журналах публикуются материалы из его архива, в Казани ежегодно проходит аксеновский фестиваль. Вышло несколько книг о писателе, сейчас готовится еще одна: “Василий Аксенов в воспоминаниях друзей, письмах и интервью”.

Журнал “Октябрь”, по сложившейся традиции, отдает страницы материалам, посвященным памяти нашего постоянного автора.

От Лебяжьего озера до берегов Потомака

В нынешней публикации представлены два рассказа, с которыми вряд ли могут быть знакомы читатели журнала. Первый, «Лебяжье озеро», написанный в 1968 году, был опубликован лишь в середине семидесятых в еженедельнике «Литературная Россия»¹ и с тех пор не переиздавался. Печатается рассказ по авторской рукописи, содержащей большую правку, которую автор сделал уже в эмиграции.

Лебяжье озеро – любимое место отдыха жителей Казани. Здесь проводят погожий летний день три героя рассказа: шестилетний Ваня (он же Кит), его отец и дед, наделенные некоторыми чертами самого Василия Аксенова, его отца и сына. Каждый из них видит и проживает этот день по-своему, и читателю даются три версии прошедшего дня, предложенные каждым из героев².

Второй рассказ «Ржавая канатная дорога» написан в 1970 году в Ялте, но опубликован только после отъезда писателя из Советского Союза – в 1981 году в эмигрантском издании «RUSSIKA». Место действия – приморский горнорудный городок Дуалт и ржавая канатная дорога в нем, где в одной из движущихся по маршруту бадей обосновалась влюбленная парочка Тоб и Алиса³. Рассказ выдержан в стилистике западной фантастической прозы, почему и не мог быть в свое время опубликован на родине.

Рассказы дополняет отрывок из парижских путевых записей Евгении Гинзбург, автора «Крутого маршрута», книги-исповеди, книги-свидетельства о массовых сталинских репрессиях, получившей всемирное признание. Записи относятся к осени 1976 года, когда Василию Аксенову удалось добиться от советских властей разрешения на поездку во Францию вместе с матерью. Эта первая в ее жизни заграничная поездка стала для смертельно больной Евгении Семеновны большой радостью, скрасившей последние месяцы ее жизни. Ее не стало 25 мая следующего года.

¹ «Литературная Россия» от 4 июня 1976 г.

² Повторяет прием, использованный Уильямом Фолкнером в его знаменитом романе «Шум и ярость» (1929), где события излагаются четыре раза четырьмя разными действующими лицами.

³ В основе рассказа, возможно, лежит реальное происшествие, случившееся с Василием Аксеновым и его второй женой Майей (тогда еще женой известного советского кинооператора Романа Кармена) зимой на одном из кавказских фуникулеров. Во время движения отключилось электричество, и они висели в открытой кабинке фуникулера более 40 минут под вихрями метели при температуре воздуха минус 10 градусов.

В эссе «Чувство России» (1989), написанном в эмиграции и от лица эмигранта, читатель познакомится с размышлениями Аксенова о проблемах эмиграции. Автор приходит к неожиданному для самого себя выводу: войдя в «типичную американскую жизнь», оказавшись в американском «этническом хороводе», он стал «волей-неволей представителем» своей «корневой культуры». При этом неподверженный пресловутым «всхлипываниям по березкам», он испытывает к родине «чувства нежные и живые», когда «на концерте в центре Кеннеди Митька Шостакович взмахом палочки отца тронет клавиши и снимет с них первые аккорды фортепианного концерта деда, или когда вдруг на университетском семинаре разбежишься по книге Мандельштама и споткнешься на стансе...

И я вхожу в стеклянный лес вокзала...»

Завершают публикацию воспоминания о Василии Аксенове людей, близко его знавших: режиссера Марка Розовского, писателя Владимира Войновича, литературного критика Бенедикта Сарнова, посла США в Москве в 1987–1991 годах Джека Мэтлока, бывшей сотрудницы русской службы радиостанции «Голос Америки» Людмилы Оболенской-Флам. Эти воспоминания любезно предоставлены журналу издательством «Астрель», где готовится к выходу уже упомянутая книга о Василии Аксенове, составленная автором этих строк.

Виктор ЕСИПОВ

Василий АКСЕНОВ

Лебяжье озеро

рассказ

Наша гордость – загородное кафе “Березка”. Любой непредубежденный к нашему городу автомобилист, подъезжая, может увидеть “Березку” на двадцать втором километре и полюбоваться ею. Кафе стеклянное, с большой открытой верандой. В углу веранды – огромный пузатый самовар, возле которого хлопочет тетя Шура. Самовар этот сразу одергивает иногороднего путешественника, дает ему понять, что он приближается не к какому-нибудь заурядному областному центру, а к городу не совсем обычному, городу с фантазией, с традицией, с тайной.

В двадцати метрах от “Березки” есть еще бар – времянка под названием “Буфет”. Снобы и оригиналы, которых в нашем городе немало, могут коротать время не в элегантной “Березке”, а в грязноватом уютном “Буфете”.

Имеется здесь еще продовольственный магазинчик, куда из “Березки” и из “Буфета” иногда бегают предприимчивые люди, навес на автобусной остановке, пункт проката велосипедов, лыж, финских санок, купальных трусов, зубной пасты; кроме того, неподалеку находится пост ГАИ.

Только что прошел короткий, но сильный дождь. Асфальт дымился. На остановке сидели два подполковника в отставке. Оба подполковника по дороге к остановке попали под дождь, и их длинные, до пят, плащ-палатки стали темными.

Подполковники сумрачно, но увлеченно беседовали друг с другом, просунув в прорези плащ-палаток пальцы и сцепив их на коленях. Они были похожи на французских кюре.

Повторяем, асфальт дымился. Сквозь сосны сверкало, слепя глаза, озеро под названием Лебяжье. Читатель, которому адресован этот немудрящий рассказ, сразу же поймет, насколько вкуснее “Лебяжье озеро”, чем “Лебединое озеро” и одноименный балет...

Подъехало такси. В пассажирском салоне произошла короткая, но не совсем приличная возня с расплатой. Шофер, однако, остался доволен и даже буркнул что-то вроде “счастливы вам”.

Из машины вышло трое мужчин. Старшему было на вид шестьдесят семь лет, среднему – тридцать четыре, младшему – шесть с половиной.

1

Мы потоптались немного возле остановки. Отец, кажется, поздоровался с одним из подполковников. Сын с громким криком “море, море!” бросился через шоссе к Лебяжьему. Я обнял отца за плечи, и мы пошли вслед за Китом.

Перейдя шоссе, я оглянулся на подполковников. Они молча смотрели нам вслед.

– Они, должно быть, из соседских приходов, – сказал я.

– Что ты имеешь в виду? – спросил отец.

– Разве ты не заметил, что они похожи на французских кюре? – спросил я. – Я видел таких в департаменте Луара.

– Брось, – сказал отец. – Это уж ты слишком.

– Дедуля! – закричал сын. – Как называется это море?

– Это не море, Ваня, а озеро, – сказал дед. – Оно называется Лебяжье. Старожилы утверждают, – обратился он уже ко мне, – что в этом озере целебная вода. Верно ли это, не знаю, но мой ишиас здесь в прошлом году как рукой сняло. Море, Ванюша, – повернулся он снова к Киту, – значительно больше. Море необъятно.

– Нет, это море, – тихо сказал Кит, щурясь от блеска. Он вытянулся, приподнялся на носки, ноздри его трепетали. Он делал стойку, как хороший гончий пес. Он вдыхал лесные дурманящие запахи, и я знал, глядя на него, что он запомнит эти запахи на всю жизнь, как я запомнил в свое время запахи Лебяжьего, запахи детства.

– Ура! – завопил он вдруг не своим голосом и ринулся в прибрежные заросли.

– Где будем купаться, папа? – спросил я отца.

– Пойдем дальше, – ответил он. – Вон за тем мыском есть песчаная полоса. Там кажется, что на сто километров вокруг ни души.

– Да, я помню – сказал я.

– Ты разве бывал здесь? – спросил отец.

– Я здесь провел лето в пионерлагере Лынокомбината, – сказал я. – Мне тогда было четырнадцать... нет, тринадцать лет.

– Ну, я же этого не знал, – сказал отец.

– Конечно, – сказал я и посмотрел на него сбоку.

Смущение мелькнуло по его лицу, словно он был сам виноват в том, что не знал подробностей детства и юности этого матерого то ли битника, то ли черт знает кого, тертого, битого, не очень понятного мужчины с блуждающей улыбкой, его сына.

Мы пошли под соснами по хвойному насту. За можжевельником и елками мелькала полосатая фуфайка Кита.

Сперва сквозь березы просвечивали голубые постройки пионерлагеря, в небе полоскался выцветший флаг, прогудел горн, и я увидел наше футбольное поле. Оно совсем не изменилось за эти долгие годы, только выбоина на вратарской площадке стала глубже.

Именно в этой выбоине в конце матча с командой “Голубого озера” я споткнулся, разбил себе локоть, а набежавший Конь ударил мне бутсой прямо в рот, и я, вскочив, в крови и в поту, позабыв все от боли, унижения и усталости, вбил мяч в правый дальний угол своих ворот, и, когда зрители, среди которых была Лида, ахнули, а потом разразились хохотом, я остановился, схватившись за голову, и мне показалось, что душа отошла от меня; я вдруг увидел дикий незнакомый мир, в котором не мог назвать ни одного предмета...

Отец продолжал прерванный разговор:

– ...понимаешь ли, помимо идеологических разногласий неизбежен еще и чисто государственный конфликт между этими двумя силами. Как ты считаешь? – Он крепко взял меня за плечо и заглянул в глаза.

Из леса выскочил с шальными глазами Кит. Он метнул в нас копье, побежал в атаку, крутя над головой томагавк, схватил меня за правую руку.

– Папа, там возле моря ходит олень! Это Великий Олень! Идем на спор? Он меня ждет!

Я улыбнулся, вспомнив Лиду, нашу пионервожатую, и таинственные сумерки перед вечерней линейкой.

Лида была то ли пловчихой, то ли гребуньей. У нее была мускулистая плотная талия и большая грудь, обычно обтянутая желтой майкой. В клубе во время фильма “Небесный тихоход”, в давке, в дверях, Лиду прибило ко мне, и ее груди торчком вонзились мне в лопатки. Я вздрогнул, словно обожженный. Она пробралась вперед и, обернувшись, внимательно на меня посмотрела. И чуть усмехнулась. Свет этой далекой усмешки.

В праздничные дни на правой груди Лиды появлялся серебристый самолетик. Здоровенный бугай-матрос с гвардейской лентой, приглашенный на праздник флота, низко склонился к этому самолетику.

– Вам нравится самолет? – спросила Лида дрогнувшим голосом.

– О нет, – ответил бугай, – посадочная площадка.

Пламя той первой ненависти.

Отец дернул меня за левое плечо, а сын вцепился в правую руку. Оба с почти одинаковым выражением заглядывали мне в глаза.

– Да-да, папа, – сказал я влево, – ты совершенно прав. Государственные разногласия неизбежны...

– Ну конечно, Китяра, это самый Великий Олень, – сказал я вправо.

– Здесь, безусловно... я боюсь, папка... возможен новый очаг напряженности... что злые обезьяны готовят костер в своей пещере, – прокричали отец и сын мне в уши.

– Очаг напряженности, конечно, возможен, Иван, – сказал я сыну и с готовностью повернулся к отцу. – Великий Олень не такой дурак...

Мой мальчик весь дрожал. Он что-то шептал себе под нос. Потом вдруг принял героический и агрессивный вид.

– Я им покажу! Я бегу на помощь Великому Оленю! Папка, за мной!

Он снова ринулся вперед. Я первый раз видел его таким возбужденным. Своды прозрачного леса, берег дикой реки, индейские каноэ, полка с цветными томиками “Библиотеки приключений и фантастики”, жажда подвига, битва за справедливость...

Я побежал за ним. Отец побежал за мной. Кит скрылся, и мы остановились.

– Дай мне закурить, – сказал отец.

Он всегда курил, когда оценивал положение современного мира.

– Разумеется, их позиция неприемлема как с юридической, так и с моральной точек зрения, но...

Прошедший год. Что со мной было за этот год? За что зацепиться? Были дни и вечера, обеды, завтраки и ужины, алкоголь, сигареты, аптека, улица, фонарь...

Да работа, моя работа. Цепляемся за работу. Что-то осталось, год не прошел даром. “Рассуждения по тензорному анализу”, барельеф “Икар” в Крыму, новый роман “Мужской клуб”, походы к “Третьей модели”, мой квартет на джазовом фестивале в Загидоне, что-то еще, ну да, “Ода к Фелице”, мозаичное панно, изобретение телескопа, “Трактат о поваренной соли”, орбитальный полет со стыковкой...

Было, было, все это было – год не прошел даром. Тот год был, никто не сможет этого оспорить...

Холодные, чужие фантомы. Угли прогорели. Созданные предметы почти так же нереальны, как выдуманные и закрепленные понятия. Во всяком случае, они уже в стороне. Аккумуляторы требуют подзарядки.

Были путешествия. Вот за что можно уцепиться, на этом можно построить каркас прошедшего года, который все же был, черт возьми, и прошел, что называется, недаром.

Ты прерываешь нить обыкновенных дней, прерываешь свое существование, прикасаешься к другой жизни: самолетная жизнь, стыки интерконтинентальных авиатрасс, чернильная ночь Дакара, толкучка на Портобелло-роуд в Лондоне, грязный сортир в Сайгоне, душные траттории Калабрии, койоты на улицах старого Дели...

Где я был в прошлом году? Январский полет в Киргизию: бешбармак, старик в черном шелковом халате с орденами на груди, голубой Ала-Тоо...

Летний полет на остров Сааремаа: четыре “а”, а-а-а-а, весь остров такой же прохладный и протяжный, как четыре “а” в этом слове, кольчатые кишкообразные загоны для угрей, английский луг, из-за можжевельников лукавые личики пастушек и маркизов, маркизы и пастушки в фривольных позах над кроватью, на канерте, что прислала хозяйину Эльмару Саару сестра из Виннипега. Далекий рев футбольного чемпионата.

Осеннее плавание в Японию. Рвотный шторм в Суринамском проливе. Мой любимый Синдзюку. Интимный бар величиной с платяной шкаф, хозяйка которого, Майда, к одиннадцати часам всегда пьяна, черный прилив в Атами, массаж, “синее кино”...

Сентиментальное путешествие в уютном сонном вагоне поздней осенью через Польшу и Чехословакию. Вена, Линц, Зальцбург, “морозный ипподром в Зальцбурге” – лукавая выдумка товарища, Грац, Инсбрук, звенящий в холодной ночи мост “Европа”, Брегенц, огромный сенбернар, уступивший мне дорогу на снежной тропинке и долго глядевший вслед задумчивыми глазами, автобаны, Северная Швейцария, напоминающая вылизанный городской парк, атомный центр в Женеве, ночной Мюнхен, пьяный утренний Мюнхен, белки в саду, заваленная снегом пустынная воскресная Бавария, по улицам городков слоняются только легчики НАТО...

Но это же далеко не все. Если порыскать в памяти, можно найти тысячи новых подробностей, тысячи новых слов, можно даже вспомнить день за днем, будут некоторые провалы, но...

Потом порыщу. Пока что соорудим каркас пропавшего года. Итак: точки опоры, узлы – это мои прошлогодние труды. Между ними натянуты тугие серебряные провода – мои путешествия. Все это сооружение покрываем переливающейся мыльной пленкой. В результате – красивая законченная форма, прямо хоть в музей. Кто говорит, что все кануло в лету? Не надо размягчаться, раскисать, небольшое волевое усилие, и вы сооружаете красивую переливающуюся геометрическую фигуру, модель пропавшего года, внутри которой... внутри которой, разумеется, женщины.

Женщины! Вот это находка! Вот что никогда не канет в лету, ни один женский взгляд, ни одно прикосновение, ни одна ссора, скрещенье рук, скрещенье ног, судьбы скрещенье... Итак, внутри моей модели глаза и брови, линии ключиц, соски, губы, линии

причесок, броши, пряжки, линии бедер, огромная, медленно вращающаяся слеза. Могу себя поздравить – мой год спасен...

О как мне жаль, что этот день уходит, что сын уходит, что отец уходит и трактор маленький уходит по лугам.

Наконец мы вышли на песчаную косу, и здесь действительно было пустынно, хотя в непосредственной близости к лесу вдоль шоссе встречались нам размякшие разбухшие пикники, и опорожненные консервные банки, и пустые сигаретные пачки, и скромные кучки навоза как финал нехитрых пиршеств на лоне природы.

– ...понимаешь ли, равновесие в этом районе представляется мне мнимым, – говорил отец. – Можно ли говорить о спокойствии, когда накопилось столько... – он на мгновение остановился и задумчиво покрутил пальцами в воздухе, подыскивая слова, – когда накопилось столько...

– Взаимных болей, бед и обид, – почему-то сказал я.

– Правильно! – радостно воскликнул отец. – Видишь, ты все-таки иногда можешь трезво оценить обстановку.

Мне стало стыдно.

Мы разделись, побоксировали, потом подошли к воде. Зеленая ряска колыхалась, слегка притрагиваясь к пальцам ног. Успокоительно пахло пресной водой, знойным хвойным настоем, прокисшими батарейками бесчисленных транзисторов.

Целый год они играют

На кларнете и трубе.

Тра-пам, па-ри-ра-ри-рам-пам, –

доносилось по крайней мере из восемнадцати мест с того берега. Ух! Там летели брызги, подпрыгивали, как блохи, мячи и раздавался женский визг; там была зона отдыха Фрунзенского района.

– Ванюша! – громко позвал я.

В кустах я уже давно заметил настороженные глаза Гайаваты, его румяные щеки и курносый нос. Он следил за нами, как бесшумный и мрачный гризли, вершитель правосудия страны Великих озер.

– Ну, как хочешь! – крикнул ему отец. – Мы идем купаться!

Кит кубарем выкатился из кустарника, выскочил из одежды и вместе с тремя перепуганными лягушками прыгнул в воду.

Кит, оправдывая свое прозвище, любил водную среду самозабвенно, выгнать его из нее в среду воздушную всегда было делом нелегким. Вот и сейчас он бурно нырял раз за разом, над поверхностью воды в искрах и пузырях мелькали то круглая попка, то круглая голова.

Однако, когда мы с отцом повернули и стали приближаться к берегу, мы увидели, что мальчик сидит на песке, обхватив руками колени.

– Что это с Китом? – сказал я отцу. – Он сегодня какой-то странный, сам вылез из воды...

Отец, отфыркиваясь, плыл справа от меня. Он был туговат на левое ухо и, кажется, не слышал моих слов.

– Только слепые могут не видеть опасности гигантского демографического взрыва в самое ближайшее время, – сказал он. – Это важнейшая проблема. Как ты считаешь?

Мы вылезли из воды, и он взял меня под руку, как бы предлагая прогуляться вдоль озера, чтобы обсудить эту проблему.

– Папка, дело очень серьезное, – сурово сказал мне Иван. – Морское чудовище заключило союз со злыми обезьянами против Великого Оленя. Как быть?

Я в растерянности остановился. Что меня дернуло поехать тогда в Лондон? Сон. Я увидел ее во сне. Она стояла, прислонившись спиной к стене на крутой улице

выжженного солнцем южного города. Она была в синем и даже еще более стройная, гибкая, чем наяву. Увидев меня (я шел снизу), она оторвалась от стены, медленно повернулась анфас и уперлась в стену длинной тонкой рукой. Улыбнулась она или нет, не знаю. Я тут же проснулся с ощущением чуда, потому что почти не думал о ней вот уже год. Мне показалось, что я на грани спасения, я был уверен, что она ждет, что она тоже сейчас проснулась с ощущением чуда, увидев, как я поднимаюсь по крутой улице.

Ночью в буфете “Стрелы” я что-то наврал знакомому актеру о цели поездки. Мы выпили слишком; пожалуй, просто безобразно напились. Актер говорил, что “Мосфильм” и “Ленфильм” рвут его на части, что ночует он главным образом в “Стреле”, тоже, наверное, врал, а может быть, и нет.

Почему этот человек с маленьким, вечно открытым ротиком, придававшим ему изумленно идиотское выражение, так нужен двум киностудиям, думал я, глядя на актера в зеркало. Впрочем, он смысленный, эрудированный парень, а киностудиям, должно быть, сейчас как раз позарез нужны такие типажи для отрицательных или положительных ролей.

Утром я сообразил, что не предупредил о своем приезде ни Академию наук, ни Академию художеств, ни Союз писателей, ни обком партии, короче, остался без места. Кроме того, уже значительно позже я сообразил, что не знаю нового адреса той девушки, не знаю также, где она работает, работает ли, не вышла ли замуж, не перекрасила ли волосы, и вообще я ее не знаю и ничего не помню, кроме смутного гибкого движения во сне.

Кружилась голова, кружилось сердце, кружился Питер, все еще с похмелья, кружились статуи и бормотали камни Английской набережной...

Хлопнув “стограмм” в кафе Летнего сада, я радостно вздохнул – она была блондинкой!

– Ну конечно, демографический взрыв, – пробормотал я, – конечно, конечно... Великий Олень победит всех своих врагов и в том числе морское чудовище.

– Медведи против, – сказал Кит.

– Против кого? – озадаченно спросил отец.

– Против обезьян. Они за Великого Оленя. Индейцы тоже за него и негры... Я пошел.

Он встал и неторопливо, но решительно удалился в лес.

– Послушай, Анатолий, – сказал отец, – ведь я обо всех этих вещах только с тобой совершенно серьезно. Увы. Мне кажется, что ты не понимаешь меня. Что ты со своим битническим высокомерием...

– Да почему же ты меня так упорно считаешь битником?! – воскликнул я. – Из-за бороды, что ли? Никакой я не битник.

– Мне кажется, что ты напускаешь на себя что-то битническое, а это тебе не к лицу, – сказал отец, и видно было, что ему страшно неловко. Он отошел от меня и сел на песок. – Неловко мне, правда. Читать тебе нотации, Толя. Ты серьезный ученый, известный писатель, скульптор, наконец... К твоему мнению прислушиваются, тебя многие знают, твой полет со стыковкой и музыкальные успехи сделали тебе громкое имя, а я лишь пенсионер, каких тысячи, но... – голос его дрогнул, – но разве обязательно так открыто проявлять пренебрежение?

– Папа, – прошептал я.

О, проклятье! Итак, нечто таинственное, отнюдь не желание выдуть еще стакан коньяку, занесло меня в девять тридцать утра в челябинскую кемеровскую парижскую гостиницу “Астория”. В холлах гостиницы страшно орали – “Интурист” уже работал на полную мощность. Я даже оторопел немного после улицы, словно попал на грачиную свадьбу.

Напустив не себя непринужденно-придурковатый, доброжелательно-шпионский вид, я прошел сквозь толпу иностранцев легко и свободно, словно я был не просто советской знаменитостью, а каким-нибудь пуговичным фабрикантом из Гааги.

В ресторане было темно и только эстрада освещалась изнутри, и там стояло шесть парней с гитарами. Они стояли неподвижно и казались вырезанными из фанеры мишенями для стрельбы. В зале спиной к нам сидело несколько солидных мужчин. Из-за спины одного из них выглядывало чье-то голое худенькое плечо, над всей массивной компанией плавали круги табачного дыма. Несколько официантов новой формации, поджарые, как борзые, стояли в дверях кухни, готовые к бою, и смотрели в зал. Швейцар, пышнобородый идиот, знакомый мне еще со студенческих лет, скрестив на пузе блудливые руки, тоже смотрел в зал, словно ждал чего-то.

Массивный мужчина поднял руку, гитаристы ударили по струнам, колено маоистки дрогнуло в моей ладони, таинственное голое плечико в глубине зала судорожно дернулось, и на танцевальную площадку выскочило мое сновидение.

Она была в каком-то диком прозрачном одеянии, то ли бурнусе, то ли тунике, вся в звездочках, переливалась, наряд ее сделал бы честь любой шлюхе восьмого разбора из базарных стрип-шоу в квартале Асакуса, вход в который стоит триста иен.

Номер ее, смесь шейка, сиртаки и танца живота, был так нелеп в этом утреннем полутемном ресторане, что я от стыда покрылся гусиной кожей, и я усмотрел в этой усмешке оскорбление моего сна, почти всей моей жизни, родных берез и “березок”, нашего скромного просперити, “скромного сдержанного стиля”, утвержденного ГОСТом, “современных линий”, “культурного досуга”, дружбы с народами зарубежных стран.

Мой сон виновато крутил задом, сдержанно, “не переходя границ приличия”, “плодотворно развивая” какой-то неведомый национальный стиль, вилял бедрами, переливался, сверкал в разноцветных лучах... крепко отрепетированный, утвержденный репертуарной комиссией валютный интуристовский танец... в углу гулко захохотал из-за бутылок незамеченный ранее Сиракузерс... да с какой же стати она танцует?... в жизни она никогда не танцевала... она была чертежницей... тачала сапоги... билетершей в модном театре... женой трех или семи людей... никогда она не танцевала...

Мне захотелось встать и выйти из темноты с таким лицом, чтобы... да, именно с таким лицом, с каким только что ушел в джунгли мой малыш.

Он вернулся с совершенно круглыми, белыми от ужаса глазами и сказал, что все погибло: злые обезьяны, пока он купался, пленили Великого Оленя и сожгли его на костре.

– Этого не может быть, Ваня, – сказал я и взял его за плечико. – Великий Олень такой мощный, такие рога, такие копыта... Тебе показалось... он жив...

– Я сам видел обугленные кости, – дрожа, проговорил он. – Пойдем.

Мы пошли по тропинке в лес, по двум полусгнившим мостикам пересекли какой-то вялый тухлый ручеек. Справа в болоте, в сплошных зарослях, что-то бешено забарахталось, жадно давясь, заглатывая, какое-то кишение, заглатывание еще живого, дрожащего, хоть и мелкого, но живого, глухо вопящего от боли, заглатывание...

Мне захотелось отвлечь внимание Кита от этой мрази, я что-то крикнул с мнимым возбуждением, но он сам показал мне на клокочущее болото и сказал, содрогнувшись:

– Там они...

– Великий Олень! Великий Олень! – закричал я. – Где ты? Ау!

Мы побежали вверх по тропинке, и с пригорка открылся нам мирный вид: домик в два окна, плетень, подсолнухи, а возле домика спокойно пасся Великий Олень. Величавые медлительные движения, блики солнца на серой спине...

– Ну вот видишь, Ванюша, – сказал я. – Все в порядке. Вот он, твой Великий Олень.

– Как тебе не стыдно, папка! – вскричал Кит. – Какой же это Великий Олень?! Это просто корова дурацкая! Ну тебя!

Он вырвал руку и побежал обратно вниз, к озеру.

Конец контактной подвески. Конец контактной подвески...

Электричка остановилась. Оставшиеся немногочисленные пассажиры, и я в том числе, вышли на перрон.

Длинный пустой перрон, обрывающийся на границе песчаных дюн. Сосны, безлюдье. Ветер рвет плащ. Кепку пришлось сунуть в карман. Слепящее солнце в союзе с ветром. Полная гармония резкого ветра, солнца, скрипящих сосен, песка. Большие волны фронт за фронтом идут на необъятный пляж, где сиротливо высятся облупившиеся с прошлого года динозавр, слон, пирамида затоваренной бочкотары, третья ступень ракетной системы “Аполло”.

Впрочем, и в сиротстве этом есть гармония: динозавр, слон, бочки и спутник здесь давно прижились, их считают за своих. Они отчуждаются, когда в июне приходят маляры и красят их веселыми красками, но гниль межсезонья, дикие зимние ночи дают им право считаться здесь за своих.

Я пошел вдоль перрона и над самым его краем увидел скрипящую на ветру металлическую табличку, на которой значилось: “Конец контактной подвески”.

Нормальное утреннее состояние – зловещий юмор. Разумеется, конец контактной подвески. Символ. Стоило переться в такую даль, чтобы увидеть эту надпись. Могли бы подкинуть что-нибудь более утонченное, изысканное – скажем, одинокий кленовый лист, кружащийся над перроном, выброшенный на берег труп морского льва, теннисистов, играющих без мяча, ведь видел же Антониони. Нет, прямо в лоб, с тупым лукавством, с неуклюжим телодвижением, претендующим на коварное изящество, – “конец контактной подвески”, пошевели, мол, мозгами, смекни, что тут к чему.

Под ногами крохотные елки, только что выбившиеся из-под песка. Впадина – море скрывается. Гребень дюны – простор, рев, свист. Впадина – голый мужчина и голая женщина, деловитое сопение, только что начали. Рядом пустая бутылка “Три топорика”, чуть расковыренная банка рыбы в томате – торопились. Гребень – слепящий простор, четкость всех линий, и в немыслимом далеке медленно бредущая тонкая фигурка, босые ноги. Сближение, характерный жест – волосы со лба. Почему же она не подошла к поезду?

Прогулка вдвоем по дикому взморью. Одинокий кленовый лист кружит над нами. Затянутая слежавшимися водорослями бухточка. Резкий запах йодистой вони, гниения. Меж зеленых камней чуть покачивается массивный труп морского льва. Бок расклевали чайки, ребра обнажены, отполированы ветром. В прибрежных кустах он и она. Уже сделали свое дело. Беззвучно хохоча, играют в бадминтон. Волана не видно.

Скрылись из глаз. Давайте сядем. Пойдем, Маруся, в парк, оденься в синий цвет, он так тебе идет, ты в синем так красива, безмолвно посидим на пляже у залива.

Незабываемый жест – рука вокруг шеи. Шепот прямо в лицо с легкой примесью никотина:

– Милый вы мой.

А дальше так же, как и у тех. Да. Почему же мы считаем, что и у тех в конце концов земля не плывет, и все вокруг не плывет, и они не прикасаются к необъяснимому?

Памятник любви на пустынном пляже – гигантская бутылка “Три топорика” рядом с динозавром, слоном, бочкотарой, третьей ступенью системы “Аполло”, но если все эти предметы в натуральную величину, то бутылка силой нашего воображения превращена в монумент. Вечно живые цветы у подножия, чуть початые банки консервов.

Он мне сказал:

– Я знаю, что вы написали “Трактат о поваренной соли”, но это не меняет дела. Вам уже немало лет, а мне двадцать два, сегодня мой день рождения. Я молод, стало быть, и, как видите, красив. Я предлагаю вам изменить ситуацию. Вы сядете за мой одинокий, очень уютный столик, а я сяду за ваш к вашей подруге. По счету за оба стола расплачиваетесь вы.

– В таком случае, нам необходимо уточнить детали, – сказал я, – и для этого мы с вами сейчас выйдем из ресторана и зайдем за угол. Если угодно, можно воспользоваться сортиром.

Он обиженно надул губы.

– Ну, если вы так ставите вопрос, мне придется тогда покинуть ресторан и уехать в город ближайшей электричкой.

Так он и сделал.

Погода переломилась. Гигантские тучи, недоенные кобылы с гангренозными пузищами, висели над нами, беспрерывно мочась. В комнате было сыро. Любимая с утра мочалила сигарету, утробно мурлыкала Вертинского, штаны называла “штанец”, что прямо корябало по нервам.

Преступные мечты. Я один в сутолоке промозглых улиц, воротник поднят, руки в карманах, настроение боевое, иду куда хочу. На углу вижу: стоит мой добрый товарищ, ловит шляпой ржавые капли с крыш. Теперь нас двое, и у обоих боевое настроение. Скрип тормозов, из машины высовывается третья рожа. “Какие планы, ребята?”

Вам не дано любить, было сказано мне на прощание, и поезд (самолет, теплоход, почтовая тройка) двинулся, и на перроне, глядя на кончик туфельки, осталось стоять сновидение.

О, как мне жаль, что поезд мой уходит, что сон уходит, Ленинград уходит и кладбище уходит за окном.

Это было в Токио, нет, в Вене, точнее, в Лондоне, а скорее всего, в Москве.

Утром в ванной, в зеленых пузырях бадузана, я читал книгу “Одиссея капитана Блада”. Я читал ее медленно, потому что наслаждался. За дверью ванной беспрерывно звонил телефон. Наконец приоткрылась дверь, жена, которая в это время была на даче, подала мне трубку, и я услышал глуховатый дружеский голос.

– Но где-то есть другая жизнь и свет... – сказал он и замер.

Но где-то есть другая жизнь и свет, но где-то есть другая жизнь и свет, бубнил я, сбегая с пригорка к озеру. Болото хранило невинное молчание насытившейся гадины. Я раздвинул кусты и увидел на песке своего отца и своего сына. Они сидели рядом и хохотали.

– Папка, послушай! – крикнул сын. – Оказывается, морское чудовище доброе. Дедуля сочинил про него стихи.

*Жило на свете чудовище,
Ело оно только овощи,
На завтрак просило салат,
В обед лишь один виноград,
На ужин хлебало крошку,
А ночью всего понемножку.*

– Блеск стихи! – воскликнул я. – А рифма чего стоит – “чудовище – овощи”. – Я сел между ними на песок и сказал Киту: – Теперь мне все стало ясно, Иван. Злые обезьяны действительно сожгли Великого Оленя, но он, но он...

– Он встал из пепла, верно? – осторожно спросил Кит.

– Ну конечно! – вскричал я. – Он встал из пепла, как птица феникс, и бросился в море к своему другу, морскому чудовищу. Чудовище в целях маскировки превратило его в безобидную корову, и теперь он мирно пасется, ждет своего часа.

– Ура! – крикнул Кит и закрутился волчком.
– Папа, – повернулся я к отцу. – Послушай меня...

Отец напряженно смотрел на меня, сжав между пальцами сигарету. Стекла очков отсвечивали. Даже в трусах у него был чертовски партийный вид.

– Ты знаешь, что те проблемы, которые волнуют тебя, и мне далеко не безразличны. Надеюсь, ты помнишь, как долго мы беседовали с тобой о сегодняшнем мире, как яростно спорили и находили общий язык. Просто, понимаешь ли, сейчас меня отвлекает в сторону нечто, о чем говорить с тобой мне кажется стыдным, должно быть, я просто не имею на это права. Не знаю, понимаешь ли ты меня...

– Может быть, и я тебя понимаю, – медленно проговорил отец. – Прости и ты меня, старина, за нелепую обиду.

И словно по чьей-то мгновенной команде мы, все трое, перевернулись на животы и растянулись на песке. Я положил левую руку на плечо Кита, а правую на мощную спину отца, уткнул нос в песок и пробормотал:

– Но где-то есть иная жизнь и свет...

Слова раздвинули песок, и образовалась ямка для дыхания.

Весь день они валялись на пляже, кувыркались, плавали и были веселы. Потом над ними в густо зеленеющем небе прошел, добродушно тарыхтя, напевая песенку про макароны, анонимный метеорологический спутник. Он шел издалека и оповещал по очереди все страны о наступлении вечера.

2

Анатолий не признает никакого городского транспорта за исключением такси, и это меня пребольно шокирует. Шокирует меня также его небрежность в расчетах, комканье денег, вечное посвистывание, странная манера общения с людьми, эта блуждающая улыбка.

Да мало ли что еще меня “шокирует” в сыне. Например, его отношение к ресторанам. Зайдем, говорит, поедим, и показывает на светящиеся окна ресторана. Еще бы, сколько он повидал на своем веку ресторанов и всяких там кабаре, а для меня ресторан еще с тридцатых годов кажется каким-то диким капищем, чем-то потенциально чуждым.

Пусть так, в общем-то, мой сын славный, добрый малый, шумная известность не сбита его с панталыку, но мне кажется, что не следует прививать этих битнических привычек Ивану. Жизнь мальчика, вполне возможно, сложится иначе, чем у его отца, а навыки, приобретенные в детстве, остаются навсегда.

Впрочем, так ли это? Ведь навыки, приобретенные Анатолием в его нелегком детстве, должны были, казалось, сделать его простым тружеником, в меру целеустремленным, трудолюбивым, скромным, может быть, даже немного боязливым...

Честно говоря, там, в Красноярском крае, я побаивался встречи с уже взрослым сыном. Я ждал увидеть в нем одного из тех юношей, что попадали порой в наши края – или зашибленного полупридура-полудоходягу, или наглого волчонка.

Встреча была странной, неожиданной.

Я настолько отвык от нормальной жизни, что даже в мыслях у меня не было дать телеграмму о приезде. Я приехал в город, где когда-то воздвигал здания, сооружал фонтаны, асфальтировал улицы, вышел на клубящуюся в морозных парах вокзальную площадь, взвалил на плечи мешок и пошел по посыпанному угольными крошками льду. Даже в голову мне не пришло воспользоваться трамваем. В конце города вот уже восемнадцать тяжелых лет берегла свой бедный очаг моя сестра.

Сестра закричала, заголосила, когда увидела меня в дверях, за ее спиной поднялся какой-то шум, какие-то возгласы.

– Толя, Толя! – кричала сестра... и выскочил в красных трусах и белой майке, с цифрой 7 на груди, широкоплечий молодой парень. Отнюдь не сразу я догадался, что это мой сын.

Оказалось, Анатолий почему-то решил на зимних каникулах навестить свою тетку и приехал из столицы в отчие края как раз к моему приезду.

– Должно быть, я что-то почувствовал, – сказал он мне позже в хмельном состоянии. – Может быть, какая-то незримая ниточка все-таки соединяла нас эти восемнадцать лет?

– Нет, ну Толя, это уже мистика, – сказал я, скрывая волнение.

К вечеру он разоделся чрезвычайно странным образом: клетчатый пиджак, галстук с пальмами, огромные ботинки с двумя блестящими пряжками.

Он пританцовывал на этих “говнодавах”, насвистывал, щелкал пальцами, напевал – о-ту ту-ри-ра-ра, леди Бигуд, о-ту-ту-ра-ра-ра, о, леди Бигуд... Я даже немного испугался тогда за его умственный уровень, но напрасно.

Я еще не знал, что молодые люди, одетые таким образом и вот таким манером приплясывающие, получили в то время хлесткую, но, пожалуй, вполне справедливую кличку “стиляги”.

– А, это ерунда, – сказал тогда Анатолий в ответ на мой шуточный вопрос о его одежде и приплясывании, – просто вошло в привычку. Это такая игра, немного эпатажа, ну, мулета, ты же понимаешь...

Я ничего не понял.

В тот вечер я узнал, что моя милая жена, его мать, с которой нас разлучил вихрь общественных событий, сейчас работает концертмейстером в северном городке, неплохо зарабатывает по льготным тарифам и дает возможность Толе безбедно проводить студенческую юность. Что ж, пусть хоть юность у него пройдет нормально, если не сложилось детство.

Мы много выпили в тот вечер и много съели вкусного и обо всем, даже о самых невеселых вещах, говорили юмористически, и я казался себе вовсе не старым, а на сына смотрел скорее как на “кореша”, чем как на ребенка. Он мне нравился, этот парень, но вовсе я не чувствовал, что это, мол, “плоть от плоти моей”.

Когда стали укладываться, я поднял веко, вынул протез и положил его в стакан с водой. Обернулся и поймал взгляд Анатолия, исполненный ужаса. Я думал, что он знал про мое одноглазие, про этот протез, про то, что я потерял левый глаз во время боев за Самару.

Утром я увидел, что он сидит за столом и что-то пишет.

– Голубой глаз отца, голубой глаз отца, голубой... – прочел я из-за его плеча.

И вот прошло снова довольно много лет... Что-то удивительное произошло за это время с Анатолием. Странные успехи в литературе и пластических искусствах, этот его пресловутый саксофон, ошеломившее весь мир открытие телескопа, громоподобный “Трактат о поваренной соли”.

– Вся моя жизнь – это борьба с комплексом неполноценности, – как-то сказал он мне.

– Комплекс неполноценности – это модные бредни, – возразил я. – Среда – вот что главное. Тебя воспитала внешняя среда.

Итак, Анатолий подозвал такси и мы поехали на Лебяжье озеро. По дороге Ванюша задал мне целый ряд разумных вопросов по части градоустройства. Я объяснил ему значение новой дамбы, воздвигнутой в нашем городе, показал нашу гордость – телебашню, яйцообразный цирк и отстойник канализационных вод.

Попутно мы вели с Анатолием разговор о мировой политике. Не будет преувеличением сказать, что именно эта тема когда-то сблизила нас по-настоящему.

Однажды мы вдруг замолчали, возникла неловкая пауза, были какие-то косые взгляды, что-то вдруг оборвалось, – уж не та ли смехотворно-мистическая нить? – и мне стало не по себе. Тогда я начал говорить о мировой политике, и Анатолий радостно подхватил, и мы до утра проговорили с жаром. Я люблю говорить с Толей об этой штуке, о мировой политике.

Итак, мы подъехали. Я хотел погордиться перед столичным сыном нашим новым достижением, загородным кафе “Березка”, но вовремя вспомнил, что уже гордился.

Все-таки я не отказал себе в удовольствии лишний раз полюбоваться современным силуэтом “Березки”, ее расписной стеной, просвечивающей сквозь стекла. Полюбовался я также легким сооружением “Пункта проката” и еще раз дал себе слово поставить в горьком вопросе о реконструкции мрачного “Буфета”.

Я люблю все приметы нового в нашей жизни – все эти стеклянные кафе, кемпинги и прочие признаки близкого уже “экономического чуда”. В тридцатые годы мы любовались блюмингами и гидростанциями, тогда мы еще не могли думать о новых отелях и о квартирах с ванными, ну а сейчас можем любоваться своими “березками” и разным ширпотребом из пластмассы. Общество изобилия не за горами, и в этом обществе нам будет уже легче решать морально-этические вопросы, совершенствовать свою духовную жизнь. Лишь бы не помешали нам работать!

– Море! Море! – закричал Ванюша. – Дедуля, это море!

Я объяснил внуку, что это не море, а всего лишь озеро Лебяжье, богатое, как мне кажется, минеральными солями, но мальчик стоял на своем.

– Ура! – закричал он и бросился к своему воображаемому морю.

Кстати, надо будет войти в обком с предложением об организации на Лебяжьем бальнеологического курорта или хотя бы однодневного дома отдыха для рабочих Химзавода.

Да, конечно, если нам не помешают, мы сможем построить очень многое и когда-нибудь перейдем тот заветный материальный рубеж, к которому стремимся вот уже свыше пятидесяти лет. Если не помешают... Кто бы мог подумать, что с той стороны придет угроза?! У меня всегда горло перехватывает, когда я думаю об этом, об этом страшном необъяснимом предательстве. Люди, которые говорят те же дорогие каждому коммунисту слова: “Маркс”, “Ленин”, “класс”, “материализм”, вдруг стали смотреть на своего соседа и брата со средневековой богдыханьей свирепостью; доносящийся из веков грохот копыт и вопли безжалостной кровавой конницы стали им дороже понятия солидарность. Национализм! Когда же человечество избавится от этого проклятия? Мне, например, просто непонятна суть национальных распрей, смысл национализма, непонятны так же, как понятны суть и смысл классовой борьбы.

Почему такие ничтожные различия, как цвет кожи, язык, разрез глаз вызывают до сих пор нетерпимость и злобу? Когда-то шла жестокая борьба между “марийцами горными” и “марийцами луговыми”. Разница между ними была лишь в том, что одни жили на возвышенности, а другие в низине. Теперь в нашей стране с этим идиотизмом покончено, но попробуйте окинуть взглядом остальной мир...

Хитрожопые империалисты до сих пор раздувают в Америке племенную вражду, семитские народы ощетились оружием, Пакистан недавно дрался с Индией, даже в чинной Европе бурлят националистические страсти, возьмем хотя бы проблему Тироля... Что же происходит? Неужели в шестидесятих годах атомного космического столетия люди не могут понять, что жизнь развивается не по какой-то прихоти невежественных маленьких и больших национальных фюреров, а по давно открытым марксистско-ленинским законам? Неужели нельзя понять, что национальный антагонизм может привести к самой страшной трагедии, к всеобщей ядерной войне? Ведь атомная бомба доступна теперь даже таким злым карликам, как режим Яна Смита...

От этой мысли у меня вдруг бурно заколотилось сердце, выступил пот, прервалось дыхание, отяжелели ноги. Анатолий, не замечая моего волнения, уходил вперед, где-то далеко-далеко мелькала полосатая майка Ванюши.

А Китай?! Вот центр средневекового смрада национализма! Мао с его безумной идеей “желтого коммунизма” развратил великую революционную страну...

подавив желание проглотить таблетку, я догнал Анатолия и взял его за плечо.

– Слушай, Толя, не кажется ли тебе, что все разговоры о нашем ревизионизме в устах маоистов только дымовая завеса. Понимаешь ли, главное для них – государственные, шовинистические, чисто агрессивные притязания, а идеология – суцая чушь...

Из леса с криком выскочил Ванюшка и устремился к нам. Толя молчал, странно улыбаясь, покачиваясь, будто не в себе. Неужели на него так подействовали воспоминания, связанные с этими местами? Вот вам и железный супермен, герой науки, литературы, космоса и эстрады!

– Что ты думаешь об этом? – тряхнул я его.

– Великий Олень не такой дурак, – последовал ответ.

Я не успел ничего сообразить, как раздался оглушительный визг внука. Он ринулся в лес, и Анатолий почему-то побежал за ним. Я тоже побежал.

Мальчик скрылся в лесу, и Анатолий перешел на шаг. Я сравнялся с ним и попросил закурить. Он протянул мне французскую сигарету “Гитана”, по крепости не уступающую нашей махре. Очень удивили меня эти сигареты, когда я с ними познакомился. Мне почему-то казалось, что французы курят что-то эфемерно-воздушное, парфюмерное. Куря свирепую “Гитану”, я лишний раз почувствовал уважение к французской нации. Впрочем, как и к любой другой.

По дороге к озеру я делился с сыном своими мыслями о национализме, об опасности национальной вражды, но он отвечал односложно и невпопад, и это меня очень корбило и огорчало. Да, он сильно изменился со своего последнего приезда год назад. Что с ним происходит? Что его волнует? В чужую душу не влезешь, даже если это душа твоего сына, тем более сына, которого ты впервые увидел здоровенным баскетболистом с цифрой 7 на груди. Но ведь есть же политика, мировая политика, черт возьми!

Мы вышли к озеру. Я снова взял Толю за руку и спросил с фальшивой игривостью и лукавством:

– А ну-ка, старичина-простофиля, что ты скажешь об отношениях Индонезии и Малайзии, а?

Он повернулся ко мне как человек, захваченный врасплох, и улыбнулся очень странной... – уж не беззащитной ли? – улыбкой.

– Понимаешь ли, – забормотал я, – равновесие в этом районе представляется мне мнимым. Можно ли говорить о спокойствии, когда накопилось столько...

– Взаимных болей, бед и обид, – неожиданно сказал Толя.

– Правильно! – воскликнул я. – Видишь, ты все-таки можешь иногда трезво оценить обстановку.

Он почему-то смущенно хихикнул.

Мы разделись, побоксировали и подошли к воде.

На противоположном берегу шумела зона отдыха Фрунзенского района. Приятно было слышать счастливый смех и эстрадную музыку.

Нда-с, если мои предположения подтвердятся и в Лебяжьем озере действительно будет найден минеральный состав, зону отдыха придется перенести отсюда в другое место. Впрочем, в окрестностях нашего города еще достаточно живописных мест. Город растет непомерно – за последнее десятилетие население увеличилось на четверть

миллиона душ, но вокруг пока еще сохранилось милое приволье, прохладные леса, светлые озера и косогоры.

Неужели когда-нибудь в недалеком будущем все это будет прорезано и сжато бесконечно пересекающимися развязками автотрасс и индустрия влезет в поле зрения любого глаза?

Недавно в журнале “За рубежом” я читал статью известного футуролога, персоны знающей и мрачной. Спокойно, даже с легкой усмешкой, он повествует о том, как переполнятся наши города и загрязнятся водоемы, как обезумевшая от голода одна половина человечества ринется на обожравшуюся другую, туда, в закатные дали, где высятся зловонные пирамиды отбросов, где бушуют вырвавшиеся из-под контроля инфекции...

Все время, пока мы купались, я думал об опасности демографического взрыва. Что ж, иногда нужно пугать людей так, как это делает почтенный зарубежный футуролог, нужно иногда встряхивать их и показывать не столь близкую опасность. Да, мы должны смело взглянуть правде в глаза: близится демографический взрыв и вместе с ним близится опасность голода и распада. Неистовость научно-технической революции соседствует с тупостью отдельных горе-политиков, которые не видят дальше, чем на год вперед. Таких надо гнать! Политик должен видеть вперед на сто лет, по меньшей мере! Нет ничего преступнее сейчас, чем фраза “после нас хоть потоп”. Нас может спасти и спасет одна великая вещь, и имя ей – интернационализм, почтенный господин футуролог... выбирайте адресата для своих мрачных прогнозов, адресуйтесь к тем горе-политикам, которые, как слепые...

Сын плыл рядом со мной ленивым брассом.

– Только слепые могут не видеть опасности демографического взрыва в самое близкое время! – крикнул я ему.

Он кивнул и вылез на берег. Я последовал за ним, собираясь поделиться мыслями о некоторых горе-политиках, но он вдруг остановился в какой-то нерешительной, глуповато-задумчивой позе и минуту мычал, переводя взгляд с меня на Ванюшу, почему-то сурово насупившегося.

– Ну конечно, демографический взрыв... – наконец пробормотал он. – Великий Олень победит всех своих врагов, в том числе и морское чудовище...

Меня вдруг словно наждаком по позвоночнику передернула обида. Ведь он не слушает меня и отвечает, только лишь чтобы отделаться, как от Ванюши с его милым, но, согласитесь, странным Великим Оленем, он не придает никакого значения моим словам, а ведь когда-то меня слушали многотысячные рабочие аудитории, и это было в те времена, когда не было еще никаких микрофонов и усилителей. Разве не о серьезных вещах я пытаюсь вести диалог со своим сыном, разве не о том, о чем обязан сейчас каждую минуту думать любой мыслящий человек, а тем более человек такой огромной известности и авторитета?

– Папа, – прошептал Анатолий и уткнул нос в голые колени.

В этой позе он застыл. Я смотрел на крупные его мослы, обозначенные под тонкой кожей, на изгиб позвоночника, на длинную с проблесками шевелюру... вот жилка подрагивает на щиколотке, утюг икроножного мускула, вот это большое животное, принявшее сейчас позу эмбриона, позу последней защиты... это все развилось из моего семени?

Что с ним происходит? Нельзя же спросить его: что с тобой происходит, сын, Толька, сыночек?

Я попробовал вдруг вспомнить, что происходило со мной в его возрасте. Это было в 1935 году.

В тот год наша республика была награждена орденом Ленина и мы все в бюро обкома ходили как именинники, уверенно поскрипывали портупелями, похохатывали, колотили друг друга по спинам, гордились своим Мишкой Эсси-Эзингом, первым секретарем, перед каждым из нас вставляли “перспективы”...

Была ли какая-нибудь закавыка, тайный изгиб в моей жизни? Да – Альбина, стенографистка Альбина, дочь кого-то из “бывших”.

В нашем кругу, в руководстве обкома, царили тогда взгляды на любовь, пришедшие из коммун двадцатых годов: нравится тебе женщина – открыто говори об этом, предлагай совместную жизнь, перестала нравиться, понравилась другая, говори первой – прощай, мне нравится другая. Никакой фальши, а тем более закрытости...

Как я мог квалифицировать свои отношения с Альбиной? Какой беспартийный черт вел меня по лунным скрипучим аллеям Дома отдыха профсоюзов на тайное с ней свидание? Почему именно в тайне, в нечестности крылся весь смысл наших коротких, но потрясавших все существо встреч?

Да, это причиняло мне в те времена страдание, ну нет, какое уж страдание, слишком сильное слово – просто ощущение неуюта, пощипывание, как после свежей стрижки, когда волосы за воротником, ну, впрочем, это слишком слабо... А что там вспоминать, ведь у Толи не может быть такой “закавыки”, такие штуки для него никакой “закавкой” не назовешь...

Я посмотрел на него и впервые подумал о том, что этот вот тип, моя раздувшаяся протоплазма, был, должно быть, знаком с множеством прекрасных женщин, с множеством... нет, в этом отношении, я уверен, у него не может быть проблем!

Из леса вернулся Иван с совершенно круглыми и белыми от ужаса глазами. Шепотом он сообщил, что злые обезьяны пленили Великого Оленя и сожгли его на костре.

– Ах, Ванюша, какая ерундистика! – рассмеялся я. – Иди сюда, я тебе все расскажу об обезьянах!

Но внук, казалось, не слышал меня. Он тянул за руку своего отца до тех пор, пока тот не встал и не ушел с ним в лес. Старейшина рода остался один на песке.

Почему-то я попытался принять недавнюю позу Анатолия, то есть обхватить руками ноги и углубить подбородок меж колен. Оказалось, что это не так-то просто, совсем непросто, скорее попросту невозможно для меня. Не знаю, мог ли я в молодые годы принять эту проклятую позу, никогда не пробовал, никогда не испытывал потребности, но сейчас я относил это к своей старости и ужасно злился, упорствуя...

Левый мой локоть влез глубоко в живот, я почувствовал вдруг резкую боль, а вслед за ней дикий ужас, ужас неузнавания окружающих предметов... ужас полной чуждости мира... Сколько это продолжалось – секунду, две, может быть, миллионную долю секунды, потом из хаоса стали выплывать отдельные, не связанные друг с другом слова, откуда-то... сосна и каждого десятого в Шурке курва с котелком ликбезом кроем безобразие куда летим каков процент стреноженные кони хрумкают в раю на дудочках играют в ад... И совершенно уже отчетливо я вспомнил милые стихи Некрасова про грешников в аду...

Мучат бесы их проворные,

Жалит ведьма-егоза.

Ефиопы – видом черные

И как углие глаза.

Крокодилы, змии, скорпии

Припекают, режут, жгут...

Воют грешники в прискорбии,

Цепи ржавые грызут.

*Гром глушит их вечным грохотом,
Удушает лютый смрад,
И кружит над ними с хохотом
Черный тигр-шестокрылат.*

Эти милые звонкие стихи вернули мне ощущение реальности, я все еще некоторое время был не в себе: пылкое сердце мое колотилось, робкое дыхание мое было прерывистым, бриллиантовой росинкой упала на колено моя слюна...

Вернулся из леса и лег животом на песок мой внук.

– Ванюша, чего это папа такой странный? – спросил я.

– Думаешь, ты не странный? – вопросом на вопрос ответил мальчик. Он перевернулся на спину и положил руки под голову. – Все же мы странные. – В глазах его сияло горе.

– Что случилось с твоим Оленем? Что за ерундистика? – спросил я.

– А ну тебя, дедка! Все тебе ерундистика! – махнул он на меня рукой.

Я очень дорожу взаимопониманием с моим внуком и поэтому почувствовал огорчение. Впрочем, тут же с ним и расстался. Иван приподнялся на локте и с некоторой снисходительностью, но дрожащими губами рассказал мне всю историю. Он очень волновался, мой малыш, и его волнение постепенно передавалось мне.

Понимаете ли, могучий красавец Великий Олень гулял себе по лесу и никому не мешал. Мешал он только злым обезьянам, которые решили его убить. За Оленя были медведи, индейцы, негры, гномы, все население, но ничего не известно было о планах морского чудовища. Несчастный Олень почему-то любил соленую воду и ходил на водопой к морю. Морское чудовище опутало его своими щупальцами, хотело сожрать, но потом за большие деньги продало стаду злых обезьян, которые и сожгли Великого Оленя на костре. Деточка моя сам видел обугленные кости...

– Тут что-то не то, Ванюша, – проговорил я, схватив его трясущуюся руку. – Морское чудовище – безобидная травоядная тварь. Есть даже стихи про это чудовище... – И тут я впервые в жизни сочинил стихи, и, как впоследствии признал мой выдающийся сын, довольно удачные.

Может быть, он и подтрунивал над моими стихами, мой выдающийся сын, но во всяком случае моему сверхвыдающемуся внуку они понравились. Он расхохотался.

– Вот это здорово! А ночью всего понемножку! Вот это чудовище! Значит, оно доброе?

– Ванюша, почему ты сказал, что все мы странные? – под шумок осторожно спросил я.

– Так мы же путешествуем! – весело крикнул он. – Мы странствуем, значит, мы странные...

Раздвинув кусты, на пляжик вышел Анатолий.

– Папка, послушай! – закричал ему Иван и прочел мой шедевр.

Толя слушал с напряжением и с напряжением улыбнулся, а потом взволнованно заговорил, и, по мере того как он говорил, его волнение передавалось мне и росло.

Он говорил своему сыну о том, что силы прогресса и научного подхода к действительности возьмут верх над силами распада и вражды, что человечество в целом – духовно здоровый организм, что...

...Мы лежали рядком на песке. Толька в центре, а мы с Ванюшей по бокам. Мое знаменитое чучело изредка удостаивало похлопыванием. Внучек, кажется, засыпал.

Есть две песни, которые выражают разные полюсы моего настроения. Когда я слишком сильно задумаюсь о демографическом взрыве, о ядерной опасности, о национализме и энтропии, я напеваю заунывную “Я помню тот Ванинский порт...”. Когда

же я со своим потомством лежу на песке возле воды и среднее звено похлопывает меня по спине, я напеваю вечно юную “Каховку” и слова поднимают песочек легким веером.

3

На автобусной остановке сидели два волшебника – один добрый, один злой, оба в мантиях. Дедушка поздоровался с добрым, но ответил ему злой. Я хотел его уже спросить про этих волшебников, давно ли они занимаются волшебством, много ли уже начудесили, как вдруг увидел море. Оно выглядывало из-за леса и сверкало, как зеркало в маминой комнате после обеда.

Без лишних разговоров я направил своего верного Планше через лес к морю. Планше скакал, хрипя и покрываясь пеной, пока я не нашел на тропинке настоящий автомат – та-та-та-чи-чи-чи – с ручкой!

Вдруг что-то в зеленой воде приподнялось, завопило, забарахталось, зачербурлыкалось жалобно, как будто его живого едят, я стал туда строчить и увидел Великого Оленя.

Я уже не маленький и видел много животных. Конечно, не столько, сколько папа. Этот последний видел в Японии дрессированных касаток! Я несколько раз видел на даче лошадей, коров и коз, множество собак, кот у нас свой – Буша Брюшкин... В зоопарке я видел своими глазами слона и тапира, большого моржа, австралийского эму, медведя панду, который совершил неудачное путешествие в Лондон, как мне объяснил папа, причем этот последний смеялся. Видел я и оленей – полярного, и кавказского, и прочих.

Этот Великий Олень не был похож ни на одного из них. Во-первых, он был огромный, а во-вторых, он был... ну... он был немножко совсем не похож на оленя.

Но какой он был красивый, когда стоял передо мной весь в листве, и в хвойных иголках, и в солнечных зайчиках! Он стоял, такой широкоплечий, и улыбался.

– Здравствуй, Ванюша! – сказал он, как будто сыграл на рояле.

Над его веселой головой венком летали птицы.

– Здравствуй, Великий Олень, – ответил я. – Что за приятная встреча! Скажите, пожалуйста, а кто это там у вас безобразничает? – Я показал на клокочущее болото.

По челу Оленя (чело – это такая красивая шапка) пробежала туча.

– Это, – сказал он, – ист-чадие болот, злые обезьяны. В нашем лесу каждый гуляет и никому не мешает. Эти явились, безобразничают, пожирают кого-то, а в основном друг друга, и все время пищат, что им мешают. Но не будем говорить о всякой ерундистике, Иван. Хочешь, я подарю тебе отличнейший лук и стрелы?

– Очень хочу, Великий Олень, – сказал я. – Только сначала пойду расскажу своим старикам о нашей встрече.

– Я буду ждать тебя на этой поляне, – сказал Великий Олень и одним махом перепрыгнул через поваленную ель.

Я выбежал к старикам и сообщил про Великого Оленя и про злых обезьян своему задумчивому отцу. Этот последний сказал, что Великий Олень победит всех злых обезьян, если захочет... Я побежал назад. Огромное туловище Великого Оленя покрывало пол-лужайки. Он читал книгу и отбросил ее только при моем появлении.

– Давай играть, – предложил я.

– Давай, – согласился он.

Из поваленного дерева сделали “чичачку”, из сучьев “таланку”, а из одной остренькой палочки “гайдарку” и стали играть в “шаровую молнию”. Как будто мы с ним плывем на чичачке и вдруг видим шаровую молнию.

– Молния! – кричим мы и бросаемся вдвоем в нашу таланку. Шаровая молния, как дура, залетает в нашу таланку, и здесь я бью ее своей гайдаркой, а Великий Олень

разгрызает ее своими великолепными зубами. Потом мы закусывали вкусными осколками и болтали о разных глупостях.

– Ха-ха-ха! – вдруг послышалось со всех сторон, и отовсюду появились болотные рожи злых обезьян. Их было очень много. – Ха-ха-ха! Они играют в шаровую молнию! Ха-ха-ха, как будто маленькие!

Великий Олень поднялся во весь свой богатырский рост, и злые обезьяны сразу попятились.

– Какое вам дело, во что мы играем? Разве мы вам мешаем? – спросил Великий Олень, друг детей.

– Да, мешаете, – зажужжала главная обезьяна-жаба. – Если все будут играть в шаровую молнию, что тогда получится?

– Эй, медведи, рыси и леопарды! – сыграл на трубе Великий Олень. – Эй, бушмены, скандинавы и готтентоты! Вам мешает игра шаровая молния?

– Нисколечко не мешает, а даже напротив! Мы все сами играем в шаровую молнию, – сказали рыжие медведи, голубые рыси, красные леопарды, желтые бушмены, зеленые скандинавы и золотистые готтентоты.

Великий Олень хлопнул в ладоши, и злые обезьяны с шипением заползли в свою вонючку.

– погоди, Олень, еще попляшешь на угольках, – зловеще констатировала главная обезьяна-жаба.

– Ха-ха-ха! – добрым смехом раскатился по всему лесу Великий Олень. – Пойду-ка я на море, напьюсь! Вот единственная моя слабость, Ванюша, люблю соленую воду.

– Подожди, Великий Олень! – остановил я его. – Я слышал, что в море живет огромное морское чудовище, похожее на шотландского плезиозавра, которого своими глазами видел мой папа. Последний утверждает, что плезиозавр переворачивает лодки.

– Наше чудовище ничего не переворачивает, – рассмеялся Великий Олень. – Оно очень ленивое. Никто никогда его не видел, и никто не знает, хорошее оно или плохое.

– А вдруг злые обезьяны вступили с ним в заговор? – прошептал я. – Подожди, Великий Олень, я пойду на разведку!

В своих бесшумных мокалинах я выбрался к морю и бросился в воду. Я долго нырял, старался узнать, доброе чудовище или злое, но никак не мог донырнуть до его зубчатой спины, которая еле виднелась в темноте. Вдруг я увидел отвратительные тени с хвостиками, которые быстро уплывали, гадко хохоча. Все ясно – злые обезьяны вступили в союз с морским чудовищем. Все ясно – нам с Великим Оленем предстоит жестокая борьба за глоток соленой воды! Сейчас скажу об этом деду и Толе. Последний будет конечно заговаривать губы, но ничего не выйдет! Мы не маленькие!

Я мчался изо всех сил и домчался до лужайки, но Великого Оленя там не было, а лишь остались его глубокие следы, из которых била ключевая вода. Я побежал, перепрыгивая через следы, и вдруг увидел на бугорке потухший кострище и в нем обугленные кости моего любимого величиной с сосновые ветви. А вокруг все чамкало, булькало, причмакивало, гычало, рычало и рыгало.

– Ах, гады! Гады! Гады проклятые!

Я побежал к своему папке и рассказал все. Последний сказал:

– Этого не может быть. Великий Олень такой мощный, такие рога, такие копыта...

“Какие рога? Какие копыта? Никаких рогов и копыт у моего Оленя не было. Ведь это же был Великий Олень”, – хотел сказать я своему папе, но не сказал, а просто повел его за руку, чтобы показать обугленные кости благородного животного.

Я, конечно, хорошо отношусь к своему папе, и единственное, что мне не нравится, – это когда он пытается заговорить мне губы, или втереть крючки, или выдать дурацкую

серую корову за моего Великого погибшего Оленя. Я вырвался и убежал от отца и по дороге возле сосны немного поплакал.

Сосна была могучая, как нога Великого Оленя, и я перестал бояться злых обезьян, хотя по-прежнему хотелось плакать.

...Но все оказалось наоборот. Оказалось, что морское чудовище полный вегетарианец. Дедуля сочинил про него замечательные стихи:

*Жило на свете чудовище,
Ело оно только овощи.
На завтрак просило салат,
В обед лишь один виноград,
На ужин съедало крошку,
А ночью всего понемножку.*

Вернулся из джунглей мой задумчивый отец и сообщил последние новости. Великий Олень возродился, как птица Феникс, и пока что маскируется коровой. Люблю, когда папа говорит правду.

Я долго хохотал, и вдруг мне показалось, что я в своей спальне делаю из одеяла таланку, из подушки чичачку, а из слоника гайдарку. В спальне было темно. Вошла мама и потрогала меня мягкими руками:

– Опять, Ванюша, ты сделал таланку? Спи, пожалуйста!

Я замер. За спиной у мамы виднелся слабо светящийся кто-то огромный, со светящейся улыбкой и глазами, а над головой у него бегали маленькие букашечки... Это был или папа, или дед, а скорее всего Великий Олень...

Трое весь день валялись на полянке, кувыркались, плавали и были веселы. Потом над ними в зеленом небе, напевая итальянскую песенку про макароны и добродушно тархтя, прошел анонимный научный спутник. Он шел издалека и оповещал по очереди все страны о наступлении вечера.

1968

РЖАВАЯ КАНАТНАЯ ДОРОГА

рассказ

– Вы обещали мне подъем по канатной дороге, – сказала Алиса.

– Обещал, не отрицаю, – отозвался Тоб.

Они прошли мимо бульонного киоска, откуда разило бульоном, мимо рекламной тумбы, с которой улыбнулись им общие знакомые, столичные так называемые “артисты”, мимо скромного городского туалета, возле которого обычно собирались местные филателисты, и оказались на бетонированной площадке канатной дороги, где прежде всего бросалась в глаза табличка: “Стоимость билета 10 копеек”.

“Подозрительная дешевизна”, – подумал Тоб и сказал, кашлянув:

– Подозрительная дешевизна...

“Трус, ничтожество, милый”, – подумала Алиса и потянула его за руку:

– Ну пойдемте же, Тоб, пойдемте, вы же обещали!

На площадке вращалось огромное черное колесо, падали жирные блямбы мазута, визжал на блоках трос. Бадьи медленно опускались из поднебесья, описывали полукружие и, крикнув, вновь шли вверх, в тучи.

– Одну минуточку, сначала ознакомимся с правилами, – сказал Тоб и громко стал читать: – Пассажирам подвесной канатной дороги воспрещается курить, громко

разговаривать, перевозить воспламеняющиеся и взрывчатые вещества, собак и домашних животных... Видите, Алиса, мы нарушаем почти все правила.

– Вы меня до слез доведете, – прошептала она.

Ничего не оставалось, как прыгнуть в очередную бадью и прижаться друг к другу, дабы не испачкать ее удивительные джинсы “Ринго” и его голубую пару, из-за которой он чуть не подрался несколько лет назад с диким парагвайцем в очереди на третьем этаже “Галери де Лафайет”. Еще в прошлом году канатная дорога перевозила марганцевую руду, но в связи с переводом промышленности на туристские рельсы и ее приспособили для курортников.

– Думаете, я за себя боюсь? За вас, – пробормотал Тоб, чувствуя теплое Алисино дыхание.

Они уже были в тучах. Выл ветер. Бадья со скрежетом раскачивалась. На одной из мачт опоры красовалось свежее объявление: “Тяжелые метеоусловия. Опасность № 4”.

К их чести следует сказать, что оба они не столько боялись, сколько придуривались. Тоб поглубже зарылся носом в огненную гриву своей подруги. Алиса сквозь слой вельвета пересчитывала у дружка ребрышки, словно исполняла на аккордеоне пронзительно-бравурную увертюру Россини. О чем они думали в эти страшные часы опасности № 4?

Алиса думала, что из всех ее предыдущих тобов этот – не самый плохой, а напротив, обладает даже некоторыми необычными достоинствами, например, лишним ребрышком в регистре. В столице поговаривают, что он лунатик, но она лично этого не почувствовала, даже когда оказалась с ним прошлой ночью в водосточном желобе на крыше гостиницы. Тоб вел себя с ней в этом желобе как нормальный мужчина, только глаза были закрыты, но это еще ни о чем не говорит, “привычка – вторая натура” (Фрэнсис Бэкон).

Тоб думал, что из всех его предыдущих алис у этой самая намагниченная кожа. Прежде, похулиганив, потаскавшись по кабакам, по крышам и подворотням, он начинал вспоминать о своей конуре, о недостроенном ящике, где моль или саранча пожирает его книги, ковры и картины и где магнитофон с маниакальным упорством воеет на четыре голоса “Другую девушку” или рассказывает о случайной полуночной встрече саксофониста Маллигана с пианистом Телониусом Монком. Тоб тогда отодвигался, курил, как в кино, воображал себя то Монком, то Маллиганом, короче говоря, начинал понемногу сматываться. У этой кожа была очень сильно намагничена, и с ней он непрерывно чувствовал себя только Тобом, самым обыкновеннейшим бездомным и беспаспортным тобом с запасом денег на одну неделю.

Бадья тем временем пробилась тучи и стала приближаться к цели путешествия – ресторану “Ямка”, разбитому на дне старого кобальто-марганцевого карьера. Уже видна была дымящаяся, взлетающая кое-где гейзерами почва карьера, куски породы, накрытые белоснежными скатертями, светящийся джукбокс и трио живых музыкантов, бартендер в генеральских погонах, поджарые, как борзые, официанты. Здесь орудовал в полном составе персонал столичного найт-клуба “Фрегат”, сбежавший на мотоциклах прямо из-под носа органов общественного порядка.

У Алисы от голода засосало под ложечкой, а над Тобом поднялся и лопнул радужный пузырек слюны. Над рестораном красовались два объявления: первое – “Welcome dear guests!” и второе – “В связи со вчерашним взрывом остановка воспрещается!”

Тоб перевесился через край бадьи и задал глупый вопрос метрдетелю, а проще говоря, главному жулику:

– У вас вчера, значит, взрыв был?

Метр ответил рыдающим, странным для его разбойной рожи голосом:

– Ездит сволочь вроде вас с воспламеняющимися и взрывчатыми веществами! Взрыв за взрывом, а акции горят...

– Вижу, вижу, – покивал Тоб, – посмотрите, Алиса, действительно у них акции горят.

Действительно, в углу “Ямки”, словно еретики на аутодафе, красиво горели Акции, милейшие, надо сказать, особы.

– Ну хорошо, а как насчет двух филе и бутылки брютта? – крикнул Тоб.

Они уже описывали прощальную дугу над рестораном.

– Разве только ради Алиски, – гнусно усмехнулся мэтр.

Вся банда оглушительно захохотала.

Тоб суетливо порыскал на дне бадьи, нашел кусочек руды, завернул его в четвертную купюру и метко бросил прямо в раскрывшуюся с готовностью пасть бартендера. Бадья стремительно ухнула вниз.

– Я ни о чем вас не спрашиваю, – сухо сказал Тоб Алисе, – но вы, оказывается, знакомы с этим...

– Когда-то он был честным рабочим человеком, – неопределенно улыбнулась она. – Изредка приходилось прибегать к его услугам, то гвоздь, то кран, то тормоза, сами знаете...

В момент прохождения облачности метеоусловия задали им жару. Шторм, снег, грозовые разряды, шаровые молнии, огни св. Эльма, пляска св. Витта...

– Хорошо, что теперь везде молнии. Это удобно.

– Лишь бы не заклинило.

Наконец появились освещенные зловещим багровым светом жалкие черепичные крыши и немые трубы Дуалта. Есть города как города – Майами, Ницца, блистательный Марсель. Ничтожный Дуалт много лет развивал свою горнорудную промышленность и рыболовство, пока, наконец, в этом году не спохватился, не законсервировал всю эту дребедень и не перешел на туристские рельсы. Все здесь было недоделано, все скрипело, пачкало и воняло, однако первый же сезон привлек немало солидных персон.

Начинался шторм. Испанский лайнер “Генералиссимус Франко” торопился выйти на внешний рейд. Тоб и Алиса очнулись и посмотрели вниз. Нижняя посадочная площадка была вся в огне. Языки пламени перекидывались уже на туалет. Войска боролись со стихией.

– Останавливаться не будем, милый Тоб, – сказала Алиса, – да это и невозможно.

– Какого черта, нас там филеи ждут, – пробурчал Тоб. – Нечего останавливаться.

– Я просто к тому, чтобы у вас совесть была чиста, милый Тоб.

– А она и так чиста. Я вчера, как от вас возвращался, в коридоре третьего этажа малютку спас.

– Что же вы молчали об этом, милый Тоб?! – вскричала Алиса.

– К слову не пришлось, – сумрачно ответил Тоб.

У них уже появились кое-какие свои правила игры. Если, скажем, она чем-нибудь восторгалась, он вроде бы мрачнел, становился как бы буквой. Если же, наоборот, он впадал в иксайтинг, тогда она вроде бы немного дулась. Ну не всерьез, конечно, для смеху.

– Подробности! Подробности! – кричала теперь Алиса, хлопая в ладоши.

– Ну чего там, – хмуро рассказывал Тоб. – Поднялся к себе на этаж, смотрю, возле телевизора шестиметровый питон душит зарубежную малютку. Не знаю, как другой человек поступил бы на моем месте, а я бросился на помощь. Расческой, авторучкой, просто пальцами я рвал этого бледно-зеленого в коричневых пятнах и довольно красивого питона. Я весь облился слизью этого питона, пахучей отвратительной слизью. Замшевая-

то моя куртка где, по-вашему? В чистке. Говорят, их едят в Макао, этих питонов, но я не верю – передо мной была шестиметровая растерзанная туша, и я не съел ни кусочка.

“Кажется, я вовремя повезла его на этой ржавой канатной дороге”, – подумала Алиса и погладила его затылок снизу вверх, как бы гордясь: экий, мол, смельчак.

– Так что с меня хватит, – резюмировал Тоб. – Вчера питон, сегодня пожар. Там у них солдат полно, да и вообще – гори все огнем!

Бадья по размочаленному тросу подбиралась уже к ресторану “Ямка”. Администрация, оказывается, кое о чем позаботилась. На уровне бадьи болтался теперь подтянутый на кронштейне лучший кельнер “фрегатовской” шараги Сич. В руках он держал соблазнительный поднос, накрытый салфетками, и беспрерывно говорил, сверкая зубами:

– добрыйвечервыменянепомнитеаяваспомнюешемальчикомблевалислеваотвходапатр
ульприехалааявасвуалетоттацилдайдумаюпомогучеловекможетпригодитсаявасали
сочкатажеподетскимвоспоминаниямкакразпомоемувпериодполовогосозреваниячто
могусказатьосвоейжизнипрошелсуровуювоеннуюшколуинабульдозереинагеликопт
ереинасумбаринечеготольконебылоуразныхгорячихточкахпланетыкорочезаработал
себенафордмеркурийсейчасглавноеконечнозаочноеобразованиеотжизниотставатьне
хочулишьбынешилисьлишьбынешилисьлишьбынешилисьувасзнакомыхнетвпрокур
атуре?

Сопровождая этот каскад слов янтарными брызгами каких-то выделений, Сич мастерски сервировал стол. Тоб и Алиса покатали вниз в полном блаженстве: мясо таяло во рту, шампанское щекотало гортань.

– Напрасно взяли одну бутылку, – сказал Тоб, – угостили бы этого орлана.

– Какого орлана?

– Разве не видите? Вон сидит в углу, крылышки сложил, корчит из себя травоядное. На, на, жри, дешевка! – Тоб сбросил с шампура несколько кусочков мяса. – Ишь, проглотил и сидит, как ни в чем не бывало, как будто каждый день филеи из парной баранины рубает.

– Улетел, улетел орлан, – прошептала Алиса, обнимая Тоба за голову.

– Улетел, потому что ему шампанского не дали. Все обнаглели, даже птицы!

Они снова уже привычно подготовились к шквалу в зоне облачности, как вдруг всё каким-то волшебным образом прояснилось, преобразилось, горизонт и половина моря осветились серебристо-лимонным светом, внизу заблестели бульжники и плиты тротуаров, крыши машин, далекие фортепианные триоли долетели до них, и Тоб воскликнул:

– Посмотрите, дорогая Алиса, как чудесно может меняться мир!

– Только не в ухо, – сказала она.

– Что?

– Вы кричите мне прямо в ухо!

– Я постараюсь чуть в сторону, дорогая Алиса! Дайте-ка я распушу ваши волосы, дорогая Алиса! Пусть они летят потрясающим костром на фоне всего свободного космоса!

Он даже не заметил, что сказал очевидную несуразицу, и с нарастающим волнением заговорил о том, что она осветила ему меркнувший мир, что власть ее над демонами быта неоспорима, как неоспорима и ее причастность к вечному огню хромосом и нуклеиновой кислоты (Фрэнк Синатра)...

– Ну, теперь будет разговоров, – проговорила она. – Папидус едет из Комитета по стандартам и Бусси Членск, известная сами знаете кто...

И впрямь, на очередном вираже Тоб увидел Папидуса, мирно воркующего в бадье с известной Бусси Членск. Больше того, под мерцающим лимонно-серебристым небом

видны стали все бадьи ржавой канатной дороги, и все они оказались заполненными знакомыми нашей славной парочки. Здесь ехал директор-распорядитель Кун с гимнасткой Сильвией, актер Галеотти с референтом министра Бургничем, модный на севере летчик Фухс с модной на юге портнихой Виолой, боксер Забела с дрессировщицей Кармелой и множество других приятных культурных лиц. Некоторые уже обжились в своих пристанищах, над бадьями трепетало бельишко, шелестели листья фикусов. Все вдруг заметили друг друга и в том числе Алису и Тоба, все вдруг просияли, приветливо замахали платочками, шляпками, на всех лицах отразились примерно такие чувства: “Вот Тобик, гаденыш, нашел себе алиску, а Алиска-то, гадючка, нашла себе тоба”.

– Как это они, гады, разнюхали? – проворчал Тоб.

– Думаете, мы одни такие умные? – возразила Алиса. Огорчение почти не отразилось на ее лице, она мигмом приспособилась к новым условиям.

– Не успеешь откопать где-нибудь старую канатную дорогу, как пожалуйста – вся мешпуха уже здесь, – продолжал ворчать Тоб. – И главное – каждый воображает себя Магелланом. Ни деликатности у людей, ни такта, ни просто физической порядочности.

– Оставьте, милый Тоб, их в покое, – легко сказала Алиса и вошла с попутчиком в соприкосновение. – Смотрите лучше, как чудесно изменился мир, какие костры хромосом и нуклеиновых кислот бушуют на горизонте, как позорно улепетывают демоны быта или как вы их там назвали...

– По мне, так лучше опасность номер четыре и густая облачность, – пробормотал он. – Тогда хотя бы молнии под рукой, вжик-вжик, и все разлетается – красота!

– Молнии у вас и сейчас под рукой, – прошептала она.

– А как же эти рыла?

– Подумаешь!

– Вам подумаешь, а мне-то не очень. Вам только плюс, а мне запишут в досье, а у меня и так репутация не ах, невыеззная.

– Боже, какое же вы ничтожество, милый Тоб!

– Может, нам загореться?! – вдруг воскликнул он. – Есть идея: давайте загоримся и скроемся от глаз! В конце концов, когда-нибудь они начнут падать...

Они загорелись и скрылись от глаз. Предчувствия их не обманули...

Знакомые вскоре действительно начали падать. Кто падал с воплем, кто со смехом, иные молча. Директор Кун во время падения читал книгу и делал пометки на полях. Некоторые внизу брали такси, другие спешили к троллейбусу, третьих уносили на носилках. Галеотти, тот падал трижды: сначала на какой-то балкон, где его угостили чаем, с балкона – дальше в полицейский участок, где он был подвергнут обыску, и только после – в объятия Бургнича. Вскоре канатная дорога очистилась окончательно.

Алиса и Тоб, раскрутившись в обратную сторону, загасили пламя, осмотрелись и весело рассмеялись, довольные своей хитростью. Теперь их бадья свободно и одиноко и даже с некоторой торжественностью плыла под розовеющим небом. К скрипу ржавых блоков, к рывкам, толчкам и заунывным сигналам тревоги они привыкли. Собственно говоря, эти звуки и рывки, толчки сопровождали их и раньше, всю жизнь, как сопровождают они всех живущих.

– За все надо платить, милый Тоб, – с очаровательной рассудительностью сказала Алиса, – и, поверьте мне, эти неприятные звуки и толчки, все эти мелкие неудобства нашей нынешней жизни очень малая плата за красоту, простор...

– ...свободу! – подхватил он. – Поистине, дорогая Алиса, мы должны быть благодарны судьбе за неожиданную милость. Может быть, для нее это просто шутка, но я лично очень серьезно отношусь и к бадье с остатками марганца, и к качающимся мачтам опоры, и к этому размочаленному тросу, и к вою сирены, так похожему на саксофон Джона Колтрейна, и к этим городам, морям, озерам, странам, промышленным районам и

полям сражений, горным массивам и льдам, ко всему тому, что пронесется каждую минуту над нами.

– Значит, не жалеете, милый Тоб?! – с задорным смехом воскликнула Алиса. – А ну-ка раздевайтесь, раздевайтесь, начинаем постирушки!

Раздевшись, он для приличия расчесал шерсть на несколько проборов, облокотился о край бадьи и вроде бы погрузился в размышления. На самом деле он просто наслаждался с трубочкой в зубах и восхищался тем, как мудро все устроено на свете. Вот Алиса стирает платье в их бадье и одновременно таким образом стирает и его, Тоба, и себя самое. Плещется горячая вода, взбухают мыльные пузыри, чавкает белье – красота!

Потом он, тряхнув стариной, варил в бадье суп и наслаждалась теперь уже спящая на самом доньшке Алиса. Еще в далеком снежно-солнечном детстве, еще до беспокойного отрочества ей снилось иногда, что она живет в теплом, вкусном и добром супе, в каком-нибудь бульоне с фрикадельками, ест его понемногу, сколько хочет, спит и играет в нем...

Однажды они пролетели над Дуалтом. Привлеченные ужаснейшим скрипом цветущие граждане и гости курорта задирали головы и тыкали пальцами в небо, каждый в собственную тучку, звездочку или проем голубизны. В “Ямке” заканчивалась схватка. Сопротивлялся уже только один Сич. Забаррикадировавшись в баре, он бросал бутылки и консервы в наступающие ряды полиции. Вскоре Дуалт исчез за крутым боком Земли.

“Подумайте сами, дорогая Алиса, – думал Тоб. – Что я потерял там внизу, в плотных слоях атмосферы? Зубную боль? Горшок лажи, что выливают сослуживцы ежедневно тебе на голову? может, я соскучился по проволоке с кольцом? гамбургеры, которые пожираешь, прыгая на одной ноге, словно хочешь по-маленькому? ежедневные тошнотные пьянки, дорогая Алиса? друзей, лица которых совсем уже расплылись за бутылками? баб, которые думают только о бриллиантах? бриллианты? баб, которые в самый подходящий момент заводят интеллектуальную брехню? интеллектуальную брехню? Всю псарню, что ли? Синклит бульдогов? Подумайте сами, дорогая Алиса...”

“Ясное дело, милый Тоб, – думала Алиса. – Думаете, в наших кустарниках лучше? Каждый норовит вырыть нору поглубже и с видом на пейзаж и обязательно в иностранной манере и затащить туда побольше жратвы, виски, шампанского, затащить тебя туда и употребить, а потом слюнявить по телефону, а потом снова чего-нибудь тащить – гамак, футбол, парфюмерию, соседку, ягод, коры, черт знает для чего, птичку там или вашего брата, милый Тоб, заговорить зубы и употребить, употребить, употребить... Думаете, легко, милый Тоб?”

Иногда им казалось, что среди встречных туч, сквозь радугу или пыльные хвосты комет они видят проплывающую мимо бадью с двумя беглецами из Страны Дураков, огненно-рыжей лисой со следами изящества на некогда шикарных джинсах и весьма подержанным псом в обрывках голубой пары, но они понимали, что это всего лишь мираж. Они были счастливы и мечтали о

1970

Ялта

Публикация М.А. Аксеновой, А.В. Аксенова